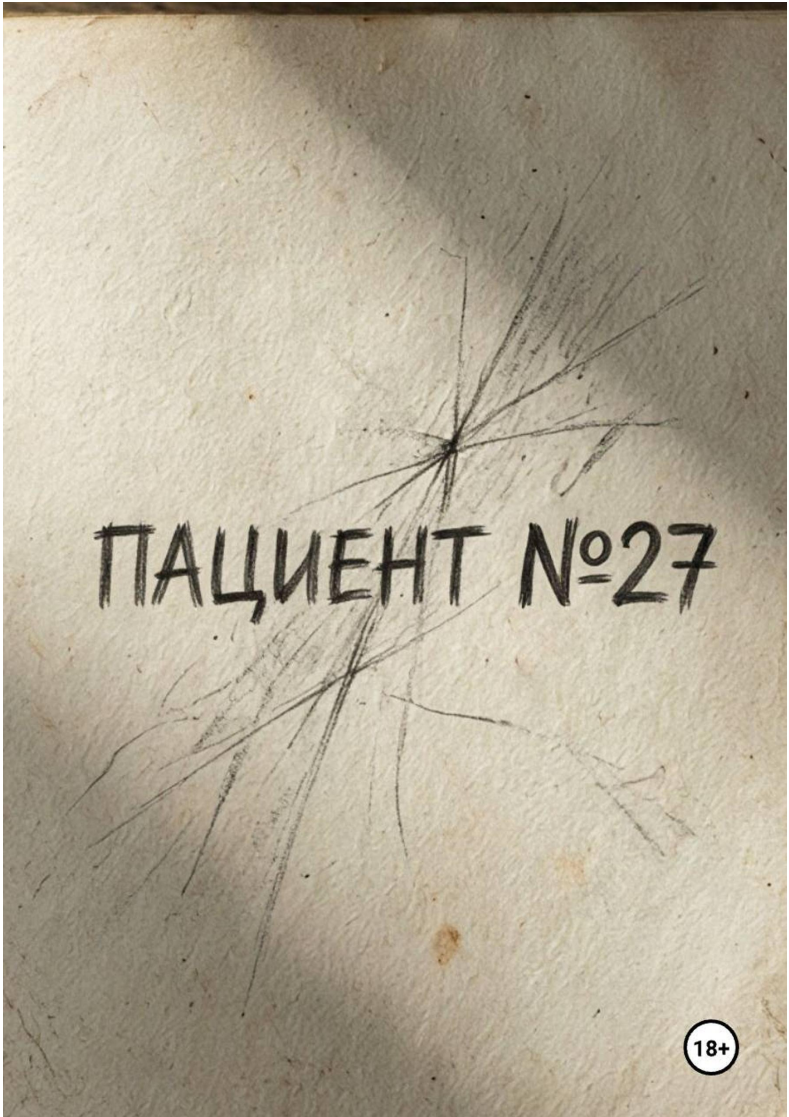

ПАЦИЕНТ №27
18+

Mister X
Пациент N°27

https://litres.ru/74716237
SelfPub; 2026

Аннотация

Психологический триллер о враче-психиатре, который ведёт пациента с противоречивыми воспоминаниями и нарастающей тревогой. По мере раскрытия истории детали начинают совпадать с жизнью самого доктора, а клиника превращается в пространство, где реальность и восприятие путаются. В финале герой понимает, что он и есть Пациент 27 — и все сеансы были попыткой его психики справиться с травмой. Интрига держится до последней страницы, а открытая концовка даёт пространство для продолжения. Книга рассчитана на молодёжную и взрослую аудиторию: здесь есть динамика, психологический подтекст и этическая неоднозначность врачебного взгляда.

Mister X
Пациент N°27

В чём же заключается человеческая жизнь?

Почему некоторые люди годами страдают от невыносимого горя, а некоторые — просто сходят с ума, выбирая безумие как единственный способ спастись? Как вообще понять этот наш удивительный, пугающий мозг? И почему в нём всегда так неприлично, так мучительно много мыслей, которые невозможно отключить ни днем, ни ночью?

Такими вопросами задался мой пациент под номером 27.

Он ищет ответы. Он отчаянно хочет понять, в какой именно момент его собственный разум превратился в ловушку, и почему мысли, которые должны были помогать ему жить, стали его главными палачами.

Я взял его дело, потому что пообещал себе найти эти ответы вместе с ним. Я хочу подетально разобрать хаос в его голове, пройти по цепочке его воспоминаний и понять, где именно сломался его внутренний мир. Как врач, я обязан сохранять холодный рассудок и смотреть на его боль со стороны.

Вот только, перечитывая вопросы Пациента №27

снова и снова, я ловлю себя на странной, липкой мысли: почему они кажутся мне такими до боли знакомыми?

Я зашел в палату к нему. Там была пустая серая глушь. Он лежал на кушетке, взгляд его был настроен в потолок — пустым и прозрачным.

Но прежде хочется рассказать о начале. О тех первых днях, когда он только обратился ко мне. Чтобы понять его сегодняшнего, мне нужно поднять свои старые записи и вспомнить наш самый первый разговор.

Тогда он впервые сел передо мной — еще не в этой серой палате, а в моем кабинете. Он выглядел сломленным. Посмотрел на меня и сказал просто, без всяких медицинских терминов:

— Доктор, я чувствую себя истощенным. Я не знаю, что мне делать. Из-за всего этого… я остался совсем один.

Я тогда посмотрел на него, послушал и ответил так, как сделал бы любой обычный человек на моем месте. Я попытался поддержать его, банально, но искренне:

— Всё будет хорошо. Поверь мне, это только временно. Перетерпи, мы со всем разберемся.

Если бы я только знал тогда, насколько сильно я ошибался. И что эта «временная» истощенность — лишь верхушка огромного айсберга, который медленно утягивал его на самое дно.

Он долго молчал, уставившись в пространство между нами. А затем заговорил снова. Его голос стал тише, он больше не жаловался — он просто рассказывал про себя, про то, что творится у него внутри.

— Знаете, док… Иногда я смотрю в окно, и мне кажется, что мир вокруг прекрасен. Светит солнце, по тропинкам гуляют люди с детьми, поют птицы. Всё так спокойно, что кажется — печалиться вообще не о чем. Но это длится лишь мгновение. Мой разум физически не может удержать эту тишину. В секунду всё меняется. Небо за окном становится чернее тьмы, а там, где только что радовались дети, я начинаю слышать крики и стоны. Всё покрывается мраком. Голубой ручей в моих мыслях вдруг окрашивается в красный, и я явственно чувствую перед носом приторный запах крови.

Пациент №27 судорожно вздохнул и обхватил плечи руками, словно его била крупная дрожь.

— В ушах начинает звенеть, гремит гром, и весь мир рушится прямо на моих глазах. Вокруг меня гибнут тысячи людей, течет река крови, рушатся империи… Земля дрожит от страха, и я понимаю: вот он, момент конца. И в этой темноте мимо меня на бешеной скорости несётся тёмная лошадка. Облик с косой проносится так близко, что я чувствую его ледяное дыхание. Я заперт в четырех голых стенах, док. Моя душа разрывается от гнева и сострадания, а чувства заперты внутри. Из-за этого шума машин

и вечной серости я чувствую себя вымершим. Мне кажется, я стою на самом краю обрыва. Мне безумно хочется прыгнуть вниз, в воду, но я не умею плавать. Хочется броситься в огонь, чтобы сгорели даже кости, или в глубокую яму, но я до ужаса боюсь высоты. И небо просто плачет надо мной мелкими каплями.

Он резко замолчал, и взгляд его снова стал прозрачным. Спустя минуту он добавил совсем другим, мягким и тоскливым голосом:

— И единственный способ не сойти от этого с ума — закрыть глаза и сбежать туда, где горит белый лунный свет. Я часто представляю себе это место, док. Там шумит великолепный водопад, цветут цветы, а на небе горят прекрасные звезды. Там я чувствую себя в раю. Но даже там, на самом краю этого водопада, мне так резко, так отчаянно не хватает её… Той, что когда-то была рядом. Всё прошло, я знаю. Но только в этом выдуманном раю я снова могу побыть счастливым.

Я слушал его и не мог пошевелиться. Мой блокнот лежал на коленях, но я не сделал ни одной записи. Этот человек, запертый в серой глуши палаты, не просто описывал свои галлюцинации. Он с мясом вырывал из себя образы, которые с корнем поднимали что-то из моей собственной памяти. Война, запах крови, рушащийся мир и эта невыносимая тоска по кому-то, кого больше нет — почему его личный ад казался мне

моим собственным?

Я поправил белый халат, чувствуя, как под ним леденеет кожа.

Вопрос доктора:

— Ты говоришь, что этот внутренний кошмар — с кровью, рушащимися империями и всадником с косой — сменяется спасительным раем у водопада. Но ведь этот рай тоже выдуман. Почему твой мозг выбрал именно такой способ побега от реальности?

Ответ Пациента №27:

— А у меня разве был выбор, док? Мой мозг просто пытается спасти меня от того, что я натворил в реальном мире. Когда ты остаешься один в четырех голых стенах, под этот вечный, давящий шум машин за окном, твои мысли собираются в одно целое. И это целое начинает тебя жрать.

В реальности мне некуда идти. Из-за прошлых предательств я начал ненавидеть людей, а потом возненавидел себя за то, что ничего не могу изменить — даже найти одного человека, который бы меня просто понял. Мир вокруг опустел, словно его и не было. Свеча погасла, шум притих. И в этой пустоте у вымершего человека нет покоя.

Поэтому я закрываю глаза. Белый лунный свет, изумрудный рассвет, шум великолепного водопада — это единственное место, где мне не страшно. Там, на краю обрыва у воды, мне кажется, что всё плохое наконец-то осталось позади. Что я искупил всё то горе, которое видел в своих кошмарах.

Это мой личный рай. Да, он ненастоящий. Но жить в этой волшебной «непонятке» гораздо легче, чем открыть глаза и снова оказаться в серой глуши.

Вопрос доктора: (записывает что-то в блокнот, стараясь унять дрожь в пальцах)

— Ты упомянул, что даже в этом идеальном раю у водопада тебе отчаянно не хватает её. Той, что когда-то была рядом. Кто она? И почему воспоминание о ней одновременно дарит тебе счастье и заставляет страдать?

Ответ Пациента №27: (опускает голову, и его плечи вздрагивают, словно от сильного удара)

— Она — это всё, что у меня было, док. Моё единственное спасение от той глухой ненависти, которая с детства выжигала меня изнутри. Когда она появилась, весь этот мрачный, чёрный дождь под окном прекратился. Появилось солнце, запели птицы, мир стал ясным. Она была моим настоящим счастьем. Рядом с ней я чувствовал себя живым, понимаете?

Он сжимает кулаки так сильно, что белеют костяшки пальцев.

— Но её больше нет. Мой корабль уже отплыл от причала, и я остался один на этом чертовом обрыве. Воспоминание о ней дарит счастье, потому что это единственное светлое, что было в моей жизни. Я закрываю глаза, вижу этот водопад и на мгновение возвращаюсь туда, где мы были вдвоём. Но это же воспоминание меня и убивает. Стоит

мне открыть глаза, как я падаю с этого обрыва прямо в огонь, где горят мои кости. Радоваться мне, что она была в моей жизни, или плакать от того, что её отняли? Я не знаю, док. С тех пор как она ушла, я просто вымер.

Доктор: (перестает писать, медленно закрывает блокнот и смотрит на пациента долгим, глубоким взглядом)

— На сегодня боли достаточно. Ты доверил мне то, что разрывало тебя изнутри два года, и твоему разуму нужен отдых. Я отпускаю тебя сейчас. И как твой доктор — точнее, как то сильное второе «я», которое ты сам создал внутри своей головы, чтобы выжить — я дам тебе один совет.

Ты прячешься у этого водопада, потому что думаешь, что твоё счастье осталось в прошлом. Но запомни: этот рай, этот изумрудный рассвет и белый лунный свет — они принадлежат тебе. Она ушла, но этот свет зажгла в тебе именно она, и он остался внутри твоего мозга. Не воюй с темнотой по ночам. Когда становится невыносимо, возвращайся к водопаду, но не ради боли, а чтобы вспомнить: ты умеешь быть счастливым.

Я делаю запись в журнале: «Первый приём окончен. Состояние пациента стабилизировано после глубокого кризиса». На сегодня всё, двадцать седьмой. Я записываю тебя на второй сеанс через неделю. Возвращайся, открой глаза и постарайся просто прожить

эти дни.

Из блокнота наблюдений доктора. Анализ первого приёма

Я сижу в пустом кабинете. Перед глазами — исписанные за сегодня страницы. Настало время разложить хаос Пациента №27 на сухие медицинские факты и задать вопросы самому себе, как исследователю.

• Анализ симптома «Истощение и Одиночество»:

Пациент обратился с жалобой на полное ментальное бессилие. Мой первичный ответ («всё хорошо, это временно») был тактической уловкой, чтобы снизить уровень тревоги. Но клиническая картина глубже. Истощение — это результат непрерывной внутренней войны. Его мозг работает на пределе возможностей, генерируя миллионы мыслей, чтобы заглушить одну-единственную, самую страшную.

• Анализ феномена «Второго Я»:

Это самый тревожный и одновременно захватывающий пункт. Пациент №27 прямо заявляет, что я — его проекция, его сильная, защитная часть. В его психике произошел глубокий раскол (диссоциация). Зачем разуму создавать фигуру «доктора»? Ответ классический: его эго слишком хрупкое, чтобы выдержать правду. Ему нужен внешний авторитет, судья и спаситель в одном лице. Вопрос: насколько сильна эта иллюзия? И понимает ли он, что, разговаривая со

мной, он просто смотрит в зеркало собственного разума?

• Анализ защитных механизмов (Кошмар и Водопад):

Психика пациента выстроила двухступенчатую систему обороны:

1. Апокалипсис (Империи, кровь, всадник с косой). Это метафора реального травматического события. Произошла катастрофа, в которой он кого-то потерял. Его мозг заблокировал детали (амнезия), но оставил это жуткое ощущение вины и паники, облеченное в образ войны.

2. Рай (Водопад, лунный свет). Это зона безопасности. Когда кошмар становится невыносимым, он сбегает туда, где «она» ещё рядом. Водопад — это его якорь, удерживающий его от полного распада личности.

Главный вопрос, который я должен решить к следующему сеансу:

Как подобраться к той зоне памяти, которую охраняет «всадник с косой»? Если я попытаюсь разрушить его иллюзию и водопад слишком быстро, его сознание может окончательно рухнуть. Мне нужно действовать мягко. На втором приёме я должен заставить его рассказать больше о дне, когда «ясная погода опечалилась». Мы обязаны заглянуть за эту стену тумана.

Я закрываю блокнот. За окном всё тот же давящий шум машин. На часах глубокая ночь. И почему-то, анализируя его бред о «втором я», я ловлю себя на мысли, что мой собственный белый халат начинает давить мне на плечи, словно смирительная рубашка.

ТРИ ДНЯ СПУСТЯ.

Прошло три дня. Семьдесят два часа серой, удушливой глуши. Все эти дни я практически не выхожу из кабинета. Передо мной на столе — всё те же исписанные страницы, чашка остывшего кофе и разбросанные в беспорядке медицинские карты. Я поймал себя на том, что перечитываю протокол нашего первого приёма уже в сотый раз.

Мой мозг — удивительная штука. Он должен отдыхать, но вместо этого он застрял в текстурах мыслей Пациента №27, как в липкой паутине.

Я снова и снова вчитываюсь в свои же записи, пытаясь нащупать логику:

• Запись от 15 октября: Пациент утверждает, что истощен. Говорит, что остался один. Классический синдром депрессивного эпизода. Моя реакция — автоматическая: «Все будет хорошо, это временно». Почему я сказал это? Чтобы успокоить его… или чтобы заглушить собственную панику?

• Вопрос к размышлению: Он назвал меня своим «вторым я». Сказал, что я — его сильная часть, запертая в этой иллюзорной клинике. Если это так, то почему сейчас, когда в кабинете никого нет, я чувствую себя таким чертовски слабым и разбитым? Кто из нас двоих на самом деле заперт?

Я переворачиваю страницу. Мой взгляд цепляется за разбор его видений. Водопад, изумрудный рассвет, а затем — резкий взрыв черноты. Кровь, стоны, империи, рушащиеся в прах, и эта тёмная лошадка с косой, промчавшаяся рядом.

Психика Пациента №27 проделала колоссальную, ювелирную работу. Она стёрла саму катастрофу, заблокировала воспоминание о потере той девушки, оставив его жить в «непонятке». Но шрамы никуда не делись. Они кровоточат этими жуткими образами апокалипсиса.

Осталось еще четыре дня до нашего второго сеанса. Четыре дня одиночества под этот вечный, давящий шум машин за окном. Я должен оставаться доктором. Должен составить четкий план вопросов на следующую неделю, чтобы аккуратно, шаг за шагом, подвести его к обрыву у водопада и заставить заглянуть вниз. Туда, где прячется правда.

Я беру ручку, чтобы записать первый вопрос для второго приема, но рука замирает. В тишине кабине-

та мне вдруг начинает казаться, что за моей спиной, прямо у изголовья кушетки, кто-то стоит. Кто-то прозрачный, уставившийся пустым взглядом в серый потолок.

Я резко оборачиваюсь. Никого. Только моё собственное отражение в темном стекле окна.

День пятый. Внеплановый визит.

Он пришел на пятый день. На два дня раньше.

Дверь моего кабинета резко распахнулась, и в нее буквально ввалился Пациент №27. От него разило дешевым алкоголем, одежда была в беспорядке, а в глазах не осталось и следа от той прежней прозрачной отрешенности. Это было лицо человека, который трое суток подряд топил себя в бутылке, пытаясь сбежать от мыслей.

Он тяжело рухнул в кресло напротив, даже не разуваясь. Его голова моталась из стороны в сторону, губы дрожали. Он начал говорить.

Это не был диалог. Это был бессвязный, пьяный бред, рваный поток слов, в котором буквы цеплялись друг за друга, превращаясь в кашу. Он бормотал что-то невнятное про людей, про разбитый телефон, про темноту, которая наступает слишком рано. Его язык заплетался, он жестикулировал, хватал ртом воздух,

словно задыхался прямо здесь, в моем сухом кабинете.

Я пытался его остановить, задавать наводящие вопросы, включить врача: «Что произошло? Кто тебя обидел? Почему ты выпил?». Но всё было бесполезно. Мой профессиональный халат и блокнот больше не имели для него никакой силы.

Из всего этого неразборчивого, пьяного шума, из этой лавины слов, единственное, что я смог разобрать и расслышать четко… Это была одна и та же фраза. Он повторял её как заведенный, срываясь на хрип, снова и снова:

— Я устал… Я устал… Док, Господи, как же я устал…

Трижды. Десять раз. Двадцать. Фраза била по стенам кабинета, как метроном. «Я устал».

В этой пьяной исповеди больше не было красивых историй про изумрудные рассветы и великолепные водопады. Алкоголь сжёг его защитный рай. Осталось только то, от чего он бежал — абсолютное, черное, выжигающее изнутри одиночество и истощение. Человек просто сломался. Его батарейка села окончательно, и он пришел к своему последнему убежищу — ко мне. К своему второму «я». Чтобы просто по-человечески закричать о том, что у него больше нет сил дышать.

Я медленно отложил ручку. Записи вести было бес-

смысленно. Я смотрел на него — пьяного, несчастного, повторяющего свое «я устал» — и чувствовал, как внутри меня, под белым халатом, ломается точно такая же стена.

Экстренная госпитализация.

Пациент №27 невменяем. Алкогольное опьянение средней тяжести, помноженное на тяжелый депрессивный криз. На мои вопросы не отвечает, продолжает циклически повторять: «Я устал, я устал».

В его глазах, помимо алкогольного тумана, я отчётливо вижу то, чего боялся больше всего — готовность сдаться. Когда у человека сгорает его выдуманный водопад и защитный рай, он начинает смотреть на всадника с косой не с ужасом, а с надеждой. Он стоит на самом краю своего внутреннего обрыва, и сейчас, в этом пьяном угаре, он способен сделать этот последний, необдуманный шаг. Он может покончить с собой прямо сегодня.

Я больше не могу быть просто сторонним аналитиком с блокнотом. Мой долг — спасти его, даже если он этого не хочет. Спасти его от самого себя.

Я принимаю решение, которое обратного пути уже не имеет.

Я вызываю санитаров. Я заявляю о критическом

состоянии Пациента №27 и подписываю документы на его принудительное оформление в закрытое отделение психиатрической больницы. В эту серую, пустую глушь, где нет острых предметов, окон без решёток и возможности причинить себе вред.

Санитары уводят его. Он даже не сопротивляется, его ноги подкашиваются, он лишь тихо хрипит своё последнее: *« Я устал …».*

Я остаюсь в кабинете один. На часах пять часов вечера. Я беру ручку и дрожащей рукой вывожу в блокноте:

«Пациент №27 изолирован. Безопасность обеспечена».

Я закрываю журнал, смотрю на пустую кушетку и вдруг замираю от леденящего осознания. Если я только что уложил Пациента №27 на кушетку в запертой палате… то почему в эту самую секунду железная дверь с грохотом закрывается прямо за моей спиной? И почему на моих запястьях вместо рукавов белого халата смыкаются плотные лямки фиксирующей рубашки?

Заключение по делу №27
Дело закрыто.

В психиатрической практике редко выпадает слу-

чай поставить настолько жирную, окончательную точку. Все исписанные страницы, хаотичные заметки из телефона, стихи про рушащиеся империи и выдуманный рай у водопада — всё это наконец-то обрело логический финал. Пациент №27 больше не будет метаться по моему кабинету. Он изолирован от внешнего мира, помещён в серую глушь закрытого бокса, где его мысли больше не смогут причинить вред его телу.

Я раскладываю документы по стопкам и делаю финальные выводы:

• Итог клинического случая:

Истощение, с которым он обратился в самый первый день, достигло своего пика на пятые сутки, когда алкоголь полностью сжёг остатки его психологической брони. Его бессвязное, пьяное «Я устал, я устал» было не просто жалобой на жизнь. Это был белый флаг. Разум пациента капитулировал перед реальностью.

• Заключение о безопасности:

Решение о принудительной госпитализации было единственно верным. Оставшись один в ту ночь, он бы сделал тот самый необдуманный шаг, которого я так боялся. Теперь, за толстыми стенами психиатрической больницы, под надзором санитаров, риск суицида сведён к нулю. Он в безопасности. Излечение займёт месяцы, возможно, годы, но эта глава его жиз-

ни официально завершена.

Я беру тяжелую канцелярскую печать, с силой ставлю её на титульный лист медицинской карты Пациента №27 и размашисто пишу поперёк папки: «АРХИВ. ДЕЛО ЗАКРЫТО».

Я откидываюсь на спинку кресла. Напряжение последних дней медленно отпускает меня. Доктор внутри меня победил — он спас человека, разложил хаос по полочкам и выполнил свой долг.

Я закрыл блокнот с чувством выполненного долга. Пациент №27 был изолирован, спасён от самого себя и надёжно заперт в стенах клиники, где ему предстояло долгое лечение. Я наконец-то мог спокойно вздохнуть.

Но не прошло и недели, как этот самый пациент снова пришёл ко мне.

Дверь кабинета открылась, и он вошёл — уверенный, свежий, без тени того пьяного изнеможения или стеклянного взгляда в потолок. Он сел напротив, посмотрел на меня и с лёгкой улыбкой сказал:

— Доктор, со мной всё хорошо.

Он весело посмеялся, словно вспомнил какую-то глупую шутку, попрощался и спокойно ушёл, закрыв за собой дверь.

Я остался сидеть в полном недоумении. Мои пальцы впились в край стола. Это было невозможно. Я же

лично видел его крах, его пьяные слёзы, его крики «я устал»! Я сам отправлял его под замок к санитарам, опасаясь худшего!

Дрожащими руками я схватил телефон и набрал номер той самой психиатрической больницы, куда его положили. Сердце бешено колотилось в груди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.